Императоръ Николай I въ Черниговѣ въ 1845 году.

Болѣе полвѣка тому назадъ сообщеніе Петербурга съ Кіевомъ производилось на почтовыхъ лошадяхъ и путь проходилъ чрезъ Черниговъ—послѣдній губернскій городъ на этомъ длинномъ разстояніи. Для обыкновенныхъ смертныхъ людей, рѣшившихся на такое далекое путешествіе въ собственномъ экипажѣ или на перекладныхъ, это представляло подвигъ не малый, такъ какъ приходилось ѣхать нѣсколько дней и ночей безъ отдыха и спокойнаго сна, подвергаться въ пути разнымъ невзгодамъ и непріятностямъ.

Въ то время Кіевъ представлялъ изъ себя вполнѣ неблагоустроенный городъ: не было ни каменныхъ многоэтажныхъ домовъ, ни тѣхъ улицъ, которыя застроены теперь зданіями красивой архитектуры. На площади, гдѣ теперь городская Дума, была невылазная грязь, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ охотились даже на дикихъ утокъ. Мощеныхъ улицъ почти не существовало, освѣщались онѣ плохо даже въ центрѣ города. Около нынѣшней главной улицы, «Крещатикъ», была запущенная роща, называвшаяся Жандармскимъ садомъ, а черезъ рѣку Днѣпръ, протекающую около самаго города, былъ проложенъ только плавучій мостъ, устроенный на большихъ баркахъ, укрѣпленныхъ якорями, безъ перилъ; проѣзжать по этому мосту въ бурную погоду и на пугливыхъ лошадяхъ было далеко не безопасно. Такимъ былъ Кіевъ, въ сороковыхъ годахъ. Императоръ Николай I обратилъ вниманіе на этотъ городъ, священный для каждаго православнаго, и рѣшилъ создать въ немъ первоклассную крѣпость. Съ этого момента Кіевъ, подъ руководствомъ военныхъ инженеровъ началъ застраиваться укрѣпленіями и многочисленными казенными зданіями, образовавшими цѣлый городокъ на Печерскѣ. Одновременно императоръ рѣшилъ построить университетъ на самомъ видномъ и красивомъ мѣстѣ, около большого сада, называемаго ботаниче-

скимъ, противъ обширной площади, на которой нынѣ находится величественный памятникъ императору Николаю I. Предположенъ былъ къ постройкѣ постоянный цѣпной мостъ чрезъ Днѣпръ и строилось шоссе отъ Кіева до Чернигова.

Хотя Черниговъ былъ губернскій городъ и лежалъ на большомъ почтовомъ пути между Петербургомъ и Кіевомъ, тѣмъ не менѣе представлялъ собою скорѣе большое неустроенное селеніе, нежели городъ. На окраинахъ его можно было встрѣтить постройки, крытыя соломой. Не было ни одной мощеной улицы, на нихъ и на площадяхъ была грязь, нечистота; тротуары были только на нѣкоторыхъ главныхъ улицахъ и то деревянные. Освѣщенія тоже почти не существовало. Каменныхъ домовъ было только нѣсколько.

Послѣ зимы 1845 г., когда высота снѣга достигала до двухъ саженъ, наступила ранняя весна. Стало быстро таять, вслѣдствіе чего рѣка Днѣпръ и притокъ ея Десна разлились на десятки верстъ, и переправы по почтовому тракту, между Черниговымъ и Кіевомъ, были очень затруднительны и даже опасны въ бурную погоду. Онѣ производились на паромахъ, носимыхъ по водному пространству по волѣ вѣтра. Всѣ паромы были переполнены массой экипажей, тѣлегъ и людей, стремившихся поскорѣе переправиться на противоположный берегъ рѣки. И вотъ въ это время, въ срединѣ весны, когда половодье достигло самаго высокаго подъема, когда правильное сообщеніе по дорогамъ было почти прекращено, пришла вѣсть о проѣздѣ черезъ Черниговъ въ Кіевъ сперва великаго князя Константина Николаевича съ воспитателемъ его адмираломъ Литке, а затѣмъ и самого императора Николая I.

Заволновался бывшій въ то время губернаторъ, Павелъ Ивановичъ Гессе, заволновалась вся губернія и жители Чернигова. Земская полиція занялась спѣшнымъ исправленіемъ дорогъ отъ Чернигова до Новгородъ-Сѣверска, съ одной стороны, и отъ Чернигова до Кіева, съ другой. Главная забота о приведеніи въ порядокъ дорогъ лежала на земскихъ исправникахъ и становыхъ приставахъ. Самые опытные и бойкіе изъ нихъ были вызваны на почтовый трактъ, и работа подъ ихъ наблюденіемъ кипѣла днемъ и ночью. Всѣ радовались проѣзду царя и вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ трепетали въ ожиданіи царскаго проѣзда. Чтобы судить о томъ, на сколько основателенъ былъ трепетъ и страхъ каждаго изъ должностныхъ лицъ, назначенныхъ наблюдать за работами на почтовомъ пути, нужно было быть очевидцемъ самихъ работъ, производимыхъ по дорогѣ съ лихорадочной поспѣшностью. Нужно было зорко слѣдить за всѣмъ и изслѣдовать каждый гвоздь, вбитый въ мостахъ и мостикахъ, осмотрѣть каждую доску, каждую рытвину на дорогѣ, такъ какъ императоръ Николай I ѣздилъ всегда въ большой четырехмѣстной открытой коляскѣ, съ сидѣньемъ сзади и любилъ самую быструю ѣзду

шестерикомъ съ форрейторомъ. На станціяхъ съ песчаной дорогой запрягали иногда восемь лошадей, но даже самыя выносливыя изъ нихъ рѣдко выдерживали подъ экипажемъ государя, падали въ пути, ихъ моментально бросали на дорогѣ, продолжая путь безостановочно. Выбирались самыя лучшія лошади, представляемыя съ особенной радостью и готовностью мѣстными дворянами-помѣщиками. Бывали случаи, когда помѣщики-любители лошадей сами правили въ экипажѣ царя. Такой любитель помѣщикъ былъ извѣстный Т. въ городѣ Мглинѣ. Выбирались лучшіе кучера, а главное форрейторы, отъ которыхъ, при упряжкѣ въ шесть лошадей, зависѣлъ удачный проѣздъ. И такіе кучера и форрейторы, имѣвшіе счастіе провезти императора, пользовались извѣстнымъ почетомъ. Такимъ образомъ милость или немилость царская для служащихъ по пути слѣдованія царя зависѣла отъ массы случайностей въ дорогѣ. Эти проѣзды можно назвать легендарными, а въ настоящее время, при нынѣшнихъ путяхъ сообщенія, даже непонятными. При безостановочныхъ работахъ исправность пути по грунтовой дорогѣ была обезпечена, но представлялся весьма серьезный вопросъ и затрудненіе, какимъ образомъ устроить удобный переѣздъ императора водою до перваго селенія по пути въ Кіевъ въ Количевку на протяженіи болѣе 20 верстъ по разливу рѣки Десны. Тогда на рѣкѣ Деснѣ ходилъ единственный буксирный, неуклюжій, самой простой конструкціи, пароходъ отставного генералъ-маіора Мальцева, знаменитаго въ то время владѣльца разныхъ заводовъ и громадныхъ имѣній въ Брянскѣ. Рѣшено было просить Мальцева выслать этотъ пароходъ для переправы, но такъ какъ пароходъ былъ буксирный, то его задумали передѣлать, украсить коврами и парчей, поставить небольшую мачту съ флагомъ и доставить его ко времени пріѣзда императора въ Черниговъ. Рѣшено было также для большей торжественности поставить около парохода шесть паромовъ, украсивъ ихъ также флагами. Пароходъ долженъ былъ стоять наготовѣ подъ парами у такъ называемаго Краснаго моста въ Черниговѣ, откуда, по особо устроенному трапу, долженъ былъ сойти на пароходъ императоръ.

До пріѣзда императора Николая I оставалось нѣсколько недѣль. Извѣстно было, что за недѣлю до его пріѣзда, долженъ былъ пріѣхать изъ Петербурга въ Кіевъ великій князь Константинъ Николаевичъ и тоже переправляться по разливу до селенія Количевки, между тѣмъ пароходъ Мальцева не могъ быть доставленъ къ тому времени въ Черниговъ. Трудно себѣ представить, какъ была озабочена всѣмъ этимъ высшая администрація во главѣ съ ея начальникомъ.

Въ то время жилъ въ своемъ имѣніи, въ 30 верстахъ отъ Чернигова, въ деревнѣ Павловкѣ, отставной капитанъ-лейтенантъ Черноморскаго флота Петръ Петровичъ Исаевичъ. Услышавъ за мѣсяцъ о пріѣздѣ великаго князя Константина Николаевича, и затѣмъ императора

Николая и зная, какое представляется затрудненіе въ переправѣ черезъ громадный разливъ рѣки, онъ, какъ старый морякъ славнаго Черноморскаго флота, началъ думать какъ бы перевезти не только великаго князя, но даже и императора на настоящемъ двѣнадцативесельномъ катерѣ Черноморскаго флота, зная, насколько государю было бы пріятно увидѣть въ глуши на малой рѣкѣ катеръ любимаго имъ флота.

Хотя мнѣ было тогда восемь лѣтъ но я помню хорошо, какъ мой отецъ страшно волновался, не спалъ по ночамъ, ходилъ по обширному залу нашего деревенскаго дома, ожидая съ тревогой пріѣзда какихъ-то, какъ мнѣ говорили, старыхъ отставныхъ солдатъ-матросовъ Черноморскаго флота. Помню я съ какимъ восторгомъ встрѣчалъ онъ ожидаемыхъ съ нетерпѣніемъ старыхъ моряковъ, обнималъ ихъ, цѣловалъ, угощалъ и представилъ матери, затѣмъ вмѣстѣ съ ними уѣхалъ въ Черниговъ. Насколько я также помню, въ нашу деревню пріѣхало сперва девять человѣкъ, а за тѣмъ уже въ Черниговъ еще два матроса, итого одиннадцать. Ждалъ мой отецъ двѣнадцатаго, но не дождался. Этихъ матросовъ отецъ мой разыскивалъ въ Черниговской и другихъ губерніяхъ чрезъ полицію и знакомыхъ. Спустя недѣлю по отъѣздѣ отца, мать моя со мной и тремя младшими сестрами переѣхала также въ Черниговъ. Отца своего я не видѣлъ по цѣлымъ днямъ; мнѣ говорили, что онъ разъѣзжаетъ по разливу рѣки на какой-то лодкѣ. Устроивъ наскоро большой катеръ на двѣнадцать гребцовъ, окрасивъ его въ красный и черный цвѣта полосами, онъ сдѣлалъ на немъ нѣсколько переѣздовъ до села Количевки.

Отецъ мой управлялъ катеромъ всегда стоя. Гребцы были въ бѣлыхъ рубахахъ съ длинными черными шейными платками, завязанными, какъ мнѣ говорили, морскимъ узломъ на шеѣ, въ черныхъ круглыхъ морскихъ фуражкахъ безъ козырьковъ. Когда мой отецъ убѣдился въ томъ, что катеръ его приведенъ въ надлежащій видъ, то онъ отправился къ губернатору Гессе съ предложеніемъ лично перевезти великаго князя Константина Николаевича чрезъ розливъ на своемъ катерѣ. Имѣя въ виду, что въ то время пароходъ Мальцева не былъ еще доставленъ въ Черниговъ, что отставной морякъ капитанъ-лейтенантъ Исаевичъ ручался за безопасность переправы его высочества, губернаторъ принялъ его предложеніе, о чемъ донесъ генералъ-губернатору и воспитателю великаго князя адмиралу Литке, на что послѣдовало согласіе и разрѣшеніе. Великій князь, пріѣхалъ утромъ рано въ Черниговъ, вмѣстѣ съ адмираломъ Литке, посѣтилъ древній черниговскій соборъ, построенный великимъ княземъ Изяславомъ, принялъ благословеніе отъ архіепископа Владиміра, посѣтилъ начальника губерніи и въ 11 часовъ утра подъѣхалъ къ Красному мосту, гдѣ его уже ожидалъ катеръ. Поздоровавшись съ рулевымъ Исаевичемъ и матросами, его высочество

сѣлъ въ катеръ и при громкихъ крикахъ «ура!» многочисленной толпы отправились въ путь. Погода была вѣтреная, но путешествіе до Количевки прошло незамѣтно въ нѣсколько часовъ. Его высочество остался очень доволенъ переправой, благодарилъ отца и матросовъ, милостиво разспрашивалъ его о службѣ въ Черноморскомъ флотѣ, выразилъ удивленіе, узнавъ, что гребцы на катерѣ бывшіе матросы Черноморскаго флота, приказалъ выдать каждому матросу по пяти рублей, а отецъ мой, кромѣ личной благодарности его высочества, получилъ изъ Кіева собственноручное письмо адмирала Литке слѣдующаго содержанія: «Милостивый государь, Петръ Петровичъ! Его высочество великій князь Константинъ Николаевичъ остался очень доволенъ переѣздомъ на вашемъ катерѣ подъ вашимъ управленіемъ, очень сожалѣетъ, что не могъ еще разъ видѣть васъ и вручить вамъ прилагаемый при семъ подарокъ, золотую табакерку, поручаетъ мнѣ засвидѣтельствовать признательность и сердечную благодарность. О такомъ пріятномъ путешествіи на катерѣ его высочество желаетъ довести до свѣдѣнія своего августѣйшаго родителя».

Черезъ двѣ недѣли наступилъ торжественный день встрѣчи императора. Стеченіе народа въ Черниговѣ было необычайное. Почти весь городъ былъ переполненъ народомъ. Ободренный благополучнымъ переѣздомъ его высочества и полученной благодарностью великаго князя, отецъ мой былъ нѣсколько разъ у губернатора, просилъ его дозволенія поставить свой катеръ рядомъ съ пароходомъ, и не покидалъ надежды перевезти императора; но губернаторъ, по особому распоряженію кіевскаго генералъ-губернатора князя Долгорукова, не только не дозволилъ ему поставить катеръ около парохода, но объявилъ рѣшительно, что онъ не можетъ стоять за неимѣніемъ свободнаго мѣста у пристани, а если желаетъ, то пусть станетъ съ своимъ катеромъ за паромами на довольно значительномъ разстояніи, особо указанномъ начальствомъ. Больно и грустно было моряку-офицеру услышать такое рѣшеніе властей послѣ благополучной переправы великаго князя и благодарности его высочества, но еще грустнѣе было ему передавать это распоряженіе матросамъ-черноморцамъ, жаждавшимъ съ нимъ вмѣстѣ видѣть поближе царя и такъ же, какъ и капитанъ-лейтенантъ Исаевичъ, мечтавшимъ перевезти государя. Многіе изъ стариковъ-матросовъ прибыли изъ-далека, исключительно желая видѣть царя, съ которымъ нѣкоторые изъ нихъ дѣлали кампанію въ Черномъ морѣ на караблѣ «Императрица Марія». Еще за сутки до пріѣзда императора около Краснаго моста поставили пароходъ, разукрашенный парчей, и шесть паромовъ въ линію съ развѣвающимися флагами на мачтахъ. Народъ и даже интеллигентная публика, не видѣвшая вовсе парового судна или мало видѣвшая, приходила глазѣть на пароходъ, восхищаясь его убранствомъ и

выражая одобреніе, что для царя устраиваютъ такой парадный и удобный переѣздъ. Генералъ-губернаторъ и губернаторъ были также довольны своей затѣей и убранствомъ парохода, а о катерѣ Исаевича забыли всѣ и даже не знали, гдѣ онъ будетъ находиться, а многіе завистники и недоброжелатели отца говорили, что царь былъ будто бы недоволенъ, что его сына, великаго князя, перевозили на простой лодкѣ по разливу.

Утромъ еще съ восходомъ солнца отецъ мой молился долго предъ фамильнымъ нашимъ образомъ Покрова Пресвятой Богородицы, а затѣмъ, въ формѣ отставного моряка и въ треугольной шляпѣ, грустно отправился на свой катеръ, который съ небольшимъ флагомъ Черноморскаго флота на кормѣ очутился въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ пристани, за линіей паромовъ. Въ общей картинѣ разукрашенныхъ флаговъ парохода и паромовъ онъ казался чѣмъ-то особеннымъ, типичнымъ. Черныя и красныя полосы по бортамъ рѣзко выдѣляли сидящихъ матросовъ въ бѣлыхъ рубахахъ и фигуру отца, стоявшаго на рулѣ въ мундирѣ и треугольной шляпѣ. Катеръ былъ направленъ бортомъ въ сторону моста.

Наконецъ торжественная минута пріѣзда царя настала. Загудѣли колокола собора, имъ сталъ вторить звонъ на всѣхъ другихъ колокольняхъ церквей, а съ нимъ громкое «ура» многотысячной толпы возвѣстило, что царь ѣдетъ, что царь близко, и, наконецъ, къ пристани подъѣхала коляска, въ которой сидѣлъ государь съ графомъ Орловымъ. На императорѣ была длинная шинель изъ темносѣрой непромокаемой матеріи, а на головѣ треугольная шляпа съ перьями. Когда экипажъ остановился, его величество, ставъ на подножку коляски и принявъ холодно и даже сурово рапортъ отъ губернатора, моментально окинулъ своимъ орлинымъ взоромъ всю пристань, пароходъ, паромы и когда увидѣлъ въ отдаленіи катеръ, громкимъ голосомъ сказалъ Орлову:

— Посмотри, вотъ гдѣ ихъ поставили; ты видишь?

Затѣмъ онъ гнѣвнымъ голосомъ спросилъ генералъ-губернатора и губернатора: «Это что?» указывая рукою по направленію къ катеру. Ему отвѣтили, что это лодка капитанъ-лейтенанта Исаевича. Императоръ возразилъ:

— Какая лодка, это катеръ.

Въ этотъ моментъ весь народъ и всѣ бывшіе на пристани замерли, видя неудовольствіе императора. Среди полной тишины раздался могучій голосъ государя.

— Здорово черноморцы!

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество! Ура!—крикнули матросы и подняли весла, отдавая честь.

— Подать катеръ, сказалъ государь.

Лавируя между паромами, катеръ поданъ былъ къ пристани. Но такъ какъ устроенная на мосту пристань и трапъ на пароходъ мѣшали подходу катера, то отецъ мой, причаливъ катеръ къ мосту, подалъ моментально готовую веревочную лѣстницу на мостъ, ее укрѣпили матросы, и его величество спустился по ней на катеръ только съ графомъ Орловымъ, сказавъ мимоходомъ генералъ-губернатору и губернатору:

— А вы поѣзжайте на вашей лодкѣ.

Пароходъ былъ съ разведенными парами, и отойдя отъ моста, не могъ уже пройти по намѣченному пути, въ виду передвиженія паромовъ при проходѣ катера, вслѣдствіе чего сѣлъ на мель и долго не могъ сняться съ нея, о чемъ потомъ узналъ государь и въ Кіевѣ спрашивалъ генералъ-губернатора, хорошо-ли ему было сидѣть на мели и почему онъ не догналъ его катера.

Весь путь до селенія Количевки былъ пройденъ менѣе двухъ часовъ, несмотря на довольно значительный противный вѣтеръ. Государь былъ веселъ, милостиво обращался съ разными вопросами къ отцу. Спрашивалъ его о прежней службѣ въ Черноморскомъ флотѣ, на какомъ кораблѣ онъ служилъ и заставлялъ отца сказать что-нибудь на малорусскомъ языкѣ. Между прочилъ, императоръ обратилъ вниманіе на буйки, плавающіе на водѣ и укрѣпленные якорями, указывавшіе направленіе пути, и когда его величество обратился къ отцу съ вопросомъ: сколько осталось верстъ до пристани, то отецъ мой отвѣтилъ словами: «не скажу». Государь удивленно спросилъ отца: «Какъ не скажешь?» Тогда отецъ доложилъ его величеству, что это онъ отвѣтилъ по-малорусски выраженіемъ «не знаю». Государь улыбнулся. Болѣе всего императоръ былъ доволенъ, узнавъ, что всѣ матросы, за исключеніемъ одного, были моряки Черноморскаго флота, явившіеся по вызову отца перевезти его величество. Когда же оказалось, что между ними было два матроса, плававшихъ вмѣстѣ съ его величествомъ на кораблѣ «Императрица Марія» въ Черномъ морѣ во время сильнаго шторма, то государь сказалъ графу Орлову:

— Вотъ гдѣ я встрѣтилъ сослуживцевъ, въ Черниговѣ на катерѣ, и меня везутъ черноморцы.

— Спасибо, спасибо тебѣ, сказалъ императоръ, обращаясь къ моему отцу.—Молодцы моряки!

Громкое «ура!» раздалось среди водъ однообразной глади разлива. У пристани государь, милостиво нѣсколько разъ поблагодаривъ отца, подалъ ему руку и поцѣловалъ въ голову, сказавъ при этомъ, что онъ будетъ всегда помнить это путешествіе. Десяти матросамъ его величество приказалъ выдать по двадцати пяти рублей каждому, а двумъ, коихъ его величество изволилъ милостиво назвать сослуживцами, каждому по пятидесяти рублей; отцу моему былъ присланъ большой пер-

стень, украшенный аметистомъ съ двѣнадцатью большими брильянтами, стоимостью въ тысячу рублей, и кромѣ того былъ присланъ графомъ Орловымъ письменный приборъ съ прозрачнымъ фарфоровымъ экраномъ для свѣчей, на которомъ были изображены замѣчательные по сходству портреты ихъ императорскихъ величествъ.

Весело возвращался экипажъ катера съ своимъ рулевымъ въ Черниговъ. Масса народа ожидала его возвращенія и привѣтствовала отца моего и моряковъ поздравленіемъ.

Такъ закончилась благополучная переправа чрезъ небольшую рѣку Десну императора Николая I. Катеръ, на которомъ переѣзжалъ императоръ, былъ принятъ отъ отца моего черниговской городской Думой. На кормѣ его была придѣлана большая доска съ двуглавымъ золоченымъ орломъ и на доскѣ большими золотыми буквами были обозначены годъ и мѣсяцъ переѣзда его величества. Катеръ съ этой доской и надписью я видѣлъ еще въ пожарномъ сараѣ городской Думы въ 1870 году, но затѣмъ гдѣ хранится этотъ катеръ—я не знаю.

Наступилъ 1846 годъ. Снова объявленъ былъ высочайшій проѣздъ императора Николая Павловича чрезъ Черниговъ въ Кіевъ въ началѣ іюня мѣсяца. Въ назначенный день пріѣзда отецъ мой повезъ насъ съ матерью въ Черниговъ, перевезъ на противоположный берегъ рѣки Десны, чрезъ которую его величество долженъ былъ переѣзжать на простомъ паромѣ. Помню я, мы стояли съ матерью у самой дороги, около пристани, по которой долженъ проѣзжать императоръ съ его высочествомъ наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Отецъ мой стоялъ у пристани и ждалъ царя; народа не было. Видно было какъ всѣ бѣжали за экипажемъ государя, крича «ура!» Но при быстрой ѣздѣ царя трудно было добѣжать кому бы то ни было до пристани во время переправы царскаго поѣзда. Сопровождать же государя въ экипажахъ или проѣзжать по пути слѣдованія императора было строго воспрещено, подъ страхомъ наказанія за ослушаніе. Когда его величество подъѣхалъ къ пристани и увидѣлъ на противоположной ея сторонѣ моего отца, милостиво обратился къ нему съ словами:

— Здорово старый знакомый, а переправа уже не та, что была въ прошломъ году!

Когда царскій экипажъ поднялся на возвышенный берегъ рѣки и императоръ увидѣлъ мою мать и насъ, приказалъ остановиться экипажу, спросилъ отца, его-ли эта семья, подозвалъ меня, погладилъ меня по головѣ и далъ поцѣловать всѣмъ намъ руку. Какъ теперь я живо помню это счастье видѣть императора Николая Павловича съ наслѣдникомъ престола, бывшимъ тогда такимъ молодымъ и которому потомъ я имѣлъ счастье служить какъ императору сперва, какъ военный, а за тѣмъ,

при введенiи крестьянской реформы, посвятивши всѣ лучшiе годы моей жизни службѣ въ крестьянскихъ учрежденiяхъ.

Заканчивая мой разсказъ, я не могу, чтобы не сказать о милостивомъ отношенiи государя къ отцу моему. Когда помчалась коляска его величества, отецъ мой вскочилъ въ свой экипажъ и мимо мостовъ, чрезъ рытвины, вблизи большой дороги, почти въ виду государя, обогналъ царскiй экипажъ, встрѣтилъ его величество на станцiи «Красное» и, подбѣжавъ къ коляскѣ, отворилъ дверцы и поддерживалъ государя при выходѣ изъ экипажа.

— Ты уже здѣсь, сказалъ императоръ Николай I, а знаешь-ли ты мой приказъ?

— Знаю, ваше величество: не смѣть провожать и обгонять ваше величество.

— Зачѣмъ же ты ослушался?

— Еще разъ желалъ имѣть счастье лицезрѣть ваше величество; это счастье бываетъ такъ рѣдко.

Императоръ сказалъ ему улыбаясь:

— Ну и я радъ былъ еще разъ тебя видѣть. Прощай. Богъ дастъ увидимся.

Къ несчастiю, отцу моему не удалось уже болѣе видѣть государя.

П. Исаевичъ.